

Александр Николаевич Самойлович

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

ТЮРКОЛОГИЧЕСКИЙ
СБОРНИК
1974

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1978

М. А. Усманов

**А. Н. САМОЙЛОВИЧ
И ИЗУЧЕНИЕ АКТОВЫХ ИСТОЧНИКОВ
ДЖУЧИЕВА УЛУСА**

Начало научных публикаций и текстологического изучения тюркоязычных письменных памятников средневековья связано с именами таких отечественных востоковедов, как Х. М. Френ, И. И. Хальфин, В. В. Григорьев, М. А. Казембек, И. Н. Березин, Х. Фаизханов и др. Одним из объектов пристального внимания названных ученых были официальные акты, т. е. ярлыки и послания, ханов Золотой Орды и родственных с ней в династическом отношении государств¹. И это вполне понятно: при чрезвычайной малочисленности сохранившихся автохтонных исторических источников по истории тюркоязычных народов Восточной Европы данный комплекс письменных памятников приобретает первостепенное источниковедческое значение, что справедливо как в собственно историческом, так и в филологическом планах.

В развитии изучения ханских ярлыков особый этап составляют широко известные труды И. Н. Березина. Достаточно сказать, что и в наши дни его публикации и исследования продолжают оказывать определенное влияние на изучение средневековой истории тюркских народов СССР.

В 80-х годах XIX в., в связи с публикацией известной статьи акад. В. В. Радлова, посвященной ярлыкам Токтамыша и Тимур-Кутлуга², текстологическое исследование золотоордынских официальных актов поднялось на более высокую ступень, ибо этому ученому удалось по-новому прочесть многие места названных памятников и подвергнуть тщательному филологическому анализу тексты сложных уйгурописьменных документов.

¹ Историографию вопроса см.: М. А. Усманов, Официальные акты ханств Восточной Европы XIV—XVI вв. и их изучение, — «Археографический ежегодник. 1973 г.», М., 1974.

² В. Радлов, Ярлыки Токтамыша и Тимур-Кутлуга, — ЗВОРАО, 1889, т. 3, стр. 1—40.

Глубокая эрудиция В. В. Радлова, тюрколога в широком смысле слова, высокая квалифицированность его лингвистического анализа, в частности, и плюс огромный авторитет ученого создавали впечатление, что указанной публикацией в целом завершены возможности текстологического изучения названных ярлыков. Однако, как показало время, труд В. В. Радлова в развитии изучения ярлыков также составлял лишь этап, о чем свидетельствуют исследования А. Н. Самойловича, первые статьи которого, посвященные изучению ярлыков, были опубликованы по рекомендации самого В. В. Радлова на страницах официального органа — «Известий Российской Академии наук».

Правда, А. Н. Самойлович не издавал, как В. В. Григорьев и И. Н. Березин, специальных книг по ярлыкам; он не занимался также и полной публикацией отдельных текстов. Формально им опубликованы лишь несколько заметок и этюдов, если быть точным — четыре небольшие статьи³. Однако и в них ученый сумел сделать не меньше, чем некоторые его предшественники в объемных работах.

Работы А. Н. Самойловича, посвященные ярлыкам, интересны с разных точек зрения: во-первых, уточнения, исправления чтения отдельных слов и фраз уже опубликованных документов; во-вторых, раскрытия и толкования содержания и значения конкретных терминов; в-третьих, решения некоторых общетеоретических вопросов изучения ярлыков в целом.

Естественно, что правильное чтение старинных текстов, т. е. овладение навыками практической палеографии, имеет первостепенное значение для осмысления содержания изучаемых документов. Однако, это необходимо особо отметить, не только во времена И. Н. Березина, затем А. Н. Самойловича, но даже и в наши дни продолжают оставаться неразработанными как практические, так и теоретические проблемы текстологии тюркоязычных документов средневековья в целом. Это справедливо как в отношении наиболее трудно расшифровываемых уйгурописьменных памятников, так и в отношении арабописьменных текстов. Поэтому вполне понятно, что таким пионерам в изучении ярлыков, как И. Хаммер, В. В. Григорьев, Я. О. Ярцов, И. Н. Березин и даже В. В. Радлов, приходилось идти на ощупь, опираясь более на интуицию, на личный опыт, чем на традиционные и отработанные приемы в сфере древнеуйгурской и арабо-тюркской палеографии. Именно этим обстоятельством и объясняются некоторые ошибоч-

³ Тийишь (тишь) и другие термины крымско-татарских ярлыков, — ИРАН, сер. 6, 1917, т. 6, № 15, стр. 1277—1278; Несколько поправок к ярлыку Тимур-Кутлуга, — там же, 1918, № 10, стр. 1109—1124; Несколько поправок к изданию и переводу ярлыков Тохтамыш-хана, — ИТОИАЭ, 1927, т. I (58), стр. 141—144; Некоторые данные о пчеловодстве в Крыму в XVI—XVII веках, — ЗИВАН, 1932, т. I, стр. 123—128.

ные прочтения, следовательно, и неточные толкования, имеющиеся в публикациях названных авторов. Что касается А. Н. Самойловича, то ему удалось предпринять некоторые практические шаги в использовании возможностей сравнительной палеографии. Так, например, подвергая тщательному анализу текст ярлыка Тимур-Кутлуга, опубликованный до него И. Хаммером, И. Н. Березиным, Г. Вамбери и В. В. Радловым, он не только внес более десяти существенных исправлений в чтение и осмысление текста ⁴, но также путем выявления палеографических особенностей как уйгурской, так и арабописьменной версий текста пришел к выводу, что ярлык представляет собой не подлинник, как полагали ранее, а более позднюю, причем не очень точную копию ⁵.

Привлечение возможностей палеографического анализа позволило А. Н. Самойловичу исправить прочтение И. Н. Березина в ярлыке Токтамыша от 1391 г. фразы: *tib Temir-Pulad* 'говоря, Темир-Пулад' на *tidimiz bulaj* 'мы сказали так' ⁶. В результате этого стало вполне понятным не только одно трудно объяснимое место в названном ярлыке, но выяснился и другой, весьма существенный факт: данный ярлык оказался не подтвердителем, т. е. повторно выданным Токтамышем после некоего Темир-Пулада, как полагали раньше, а являлся и значительным. Между прочим, в пользу вывода А. Н. Самойловича, выражаясь его же словами, говорит «еще и общее построение ярлыка, отличное от нормального построения подтвердительных ярлыков» ⁷.

В прочтение ярлыков Тимур-Кутлуга, Токтамыша и др., выполненное его предшественниками, А. Н. Самойлович внес около тридцати исправлений. Одно из них, как мы видели выше, имело весьма существенное значение. Другие, являясь, по выражению самого ученого, «мелкими», также были важны для правильного понимания содержания текстов вообще, правильной оценки лингвистических особенностей памятников в частности. Например, вряд ли оспорима ценность исправлений *بيرى* на *بايزه*, сочетания *راست ترخان* на *ازاد ترخان* ⁸, *sanī* на *sajī*, *šusun* на *susun*, *čaqarub* на *čiqarub* и т. д. ⁹.

⁴ А. Н. Самойлович, Несколько поправок к ярлыку Тимур-Кутлуга, стр. 1115—1121.

⁵ Там же, стр. 1122.

⁶ А. Н. Самойлович, Несколько поправок к изданию и переводу. . ., стр. 141—142.

⁷ Там же, стр. 142.

⁸ А. Н. Самойлович, Несколько поправок к ярлыку Тимур-Кутлуга, стр. 1118—1119.

⁹ А. Н. Самойлович, Несколько поправок к изданию и переводу. . ., стр. 142.

Именно на основе таких исправлений в чтении отдельных слов и фраз, а также на базе широкого сравнительного анализа текстов различных письменных документов из разных регионов улуса Джучи и русских переводов татарских официальных актов А. Н. Самойлович внес много нового в осмысление значения отдельных терминов или оборотов речи. Между прочим, одна из первых работ ученого в области изучения ярлыков была посвящена уточнению терминов, содержащих слово *tijiš* (в текстах часто *تیش* вместо *تییش*) в крымскотатарских ярлыках-посланиях¹⁰. Объясняя содержание слова как «дача (разновидность дани)», он обратил внимание на необходимость отличать его от похожего на него внешне слова *تییتی* в значении «зуб», ибо среди «подарков», получаемых крымскими ханами и родовитыми феодалами из Москвы, часто содержались и моржовые клыки, которые татары называли *balıq tişi*. Так исследователь внес определенное уточнение в прежние сбивчивые и ошибочные толкования полифонического начертания *تیش* в разных контекстах¹¹. Что касается вопроса о социальном содержании и этимологии термина, то он нуждается еще в специальных исследованиях.

Весьма интересным, хотя и не доказанным полностью, представляется и следующее предположение А. Н. Самойловича: вместо старого (например, у И. Н. Березина) понимания термина *tartnaqçı* как «весовщик» (в фразе *tamyacı tartnaqçılar*) возможно толкование *tartnaq* как «дар», «подарок» и, следовательно, *tartnaqçı* — «собиратель» таких «даров», точнее, разновидности подарка. При этом он ссылаясь на «Опыт словаря» В. В. Радлова, где *tartu*, *tartuq* объясняется как «подарок» и «подать»¹². Для такого понимания содержания слова действительно имеются веские основания, ибо термин *tartnaqçı* мог образоваться не только от корня *tartu* со значением «вешать» (например, в казахском

¹⁰ А. Н. Самойлович, Тийиш (тишь) и другие термины... стр. 1277—1278.

¹¹ Например, Н. И. Веселовский во всех случаях под *تیش* понимал лишь моржовые клыки (ЖМНП, нов. сер., 1915, ч. LVI, апр., стр. 329—331).

¹² А. Н. Самойлович, Несколько поправок к ярлыку Тимур-Кутлуга, стр. 1113. О разных попытках перевода термина см.: Г. А. Федоров-Давыдов, Общественный строй Золотой Орды, изд-во МГУ, 1973, стр. 95—96 (у последнего автора термин преподносится везде как *тартанак*, что, видимо, является результатом систематической опечатки). Кстати, определенный интерес в этом плане представляют данные крымскотатарских сойургалных ярлыков (*ملك نامه*), которые в отличие от тарханских еще не подвергнуты тщательному анализу. Например, в ярлыке Давлат-Гирая от 984/1576-77 г. (Отдел рукописей ЛО ИВАН СССР, Т314) читаем: *قاره آت تارتوب كوك مملوك و ال نشانليغ ملك نامه* «даря вороного коня» как бы этимологизирует термин *tartnaqçı* (см. также документы Т312, Т315, Т340 и др. из названной коллекции).

языке: *taraziya tartu* 'вешать на весах'), но и от *tartu* (*tartuq*) в смысле «дар», «подарок» в том же казахском языке. Предлагая такую версию толкования термина, А. Н. Самойлович, возможно, имел в виду и то обстоятельство, что в подвластных Чингизидам странах обычным было взимание обязательных «даров», что хорошо прослеживается в ряде документов крымско-московской переписки¹³.

Все это показывает, как важно более широко привлекать данные различных тюркских языков, в особенности ногайского и казахского, которые используются при изучении ярлыков по сравнению со старописьменными языками менее активно.

Опыт с термином *tartnaqçı* свидетельствует о сложности вопросов золотоордынской налоговой терминологии. И хотя мы и отдаем предпочтение объяснению *tartnaqçı* как «сборщик подати», все же считаем целесообразным этот вопрос пока оставить открытым, ибо если анализируемый термин образовался от корня *tartuq* 'дар' или *tartu* 'дарить' (по аналогии: *tamya* — *tamyaçı*, *sauya* — *sauyaçı*), то требуется специальное лингвистическое объяснение его компоненту *-naq-*.

Интересен и анализ А. Н. Самойловичем одного термина в ярлыке Тимур-Кутлуга, который он смог разъяснить благодаря широте круга источников, использованных при сравнительном исследовании.

Этот термин И. Н. Березин читал как *bulyurdi* и предположительно объяснял, что это — «смолотый хлеб, пшеница и земледельческие произрастания». В. В. Радлов оставил его вообще без перевода. Сравнительный же метод позволил А. Н. Самойловичу прочесть это слово по-новому — *bal qurti*, т. е. «пчела», в результате чего загадочное до этого место из названного ярлыка стало вполне понятным¹⁴. В то же время у А. Н. Самойловича были сомнения в правильности перевода В. Д. Смирновым отдельно стоящего слова *qurt* или *qurut* как «пчела»; еще более сомнительным он назвал его перевод словосочетания *qurt ameli* как «пчелиное дело»¹⁵. Исследователь видел здесь какое-то традиционное, но еще не осмысленное понятие, поэтому сам он этот вопрос оставил открытым. Все сказанное выше свидетельствует, с одной стороны, об эрудиции А. Н. Самойловича как текстолога, с другой — говорит о его бережном отношении к документам. В своих статьях, посвященных ярлыкам, А. Н. Самойлович по-

¹³ См., например, «Сборник Русского исторического общества. Памятники дипломатических сношений Древней России с державами иностранных», т. 41, СПб., 1884; т. 95, СПб., 1895.

¹⁴ А. Н. Самойлович, Некоторые данные о пчеловодстве..., стр. 126.

¹⁵ Там же, стр. 127.

казал себя исследователем тонкого вкуса, относящимся с большой чуткостью к объектам исследования.

Тонкое понимание А. Н. Самойловичем значения отдельных слов и терминов средневековых актовых источников наглядно прослеживается в его варианте перевода традиционного обращения-формулы ярлыков типа *Toqtamış sözü* (*Temir-Qutluq sözü*, *Meñli-Girāj sözü*). Эту формулу древнерусские толмачи переводили в калькированной форме: «Токтамышево слово». Их переводу в своих работах следовал И. Н. Березин¹⁶. Я. О. Ярцов, М. А. Казембек, В. Д. Смирнов и др. пытались предложить другие варианты перевода (например, «Токтамыш. Слово мое»; «Токтамыш, мое слово» и т. д.)¹⁷. В. В. Радлов переводил: «Я, Токтамыш, говорю»¹⁸.

Наличие таких разных вариантов перевода одной и той же небольшой, но емкой по содержанию формулы свидетельствует о том, что названные ученые, улавливая особое ее значение, пытались найти максимально адекватный русский перевод. На наш взгляд, эту задачу более удачно решил А. Н. Самойлович, предлагая новый вариант перевода: «Мое — Тимур-Кутлуково слово», тем самым сохраняя не только грамматические особенности формулы, но и передавая повелительный тон, торжественный, высокий характер монаршего обращения. Это предложение было поддержано в дальнейшем и таким блестящим знатоком древнетюркских памятников, как С. Е. Малов¹⁹.

В области дипломатики А. Н. Самойлович выделял при анализе ярлыка Тимур-Кутлуга составные части документа: обращение, подтверждение тарханства. Хотя А. Н. Самойлович не пошел дальше, данный опыт все же говорит в пользу того, что приемы дипломатики — этой мало освоенной в тюркологии вспомогательной исторической дисциплины — позволили бы более глубоко раскрывать содержание документов через осмысление функций отдельных формул и конкретных статей. Иначе говоря, дальнейшее исследование ярлыков перспективно прежде всего в аспекте историко-сравнительного изучения не только отдельных терми-

¹⁶ См., например: И. Березин, Тарханские ярлыки Тохтамыша, Тимур-Кутлука и Саадат-Гирея, Казань, 1851, стр. 10, 15.

¹⁷ В. Григорьев, [Я. О. Ярцов], Ярлыки Тохтамыша и Сеадет-Гирея, — ЗООИД, 1844, т. I, стр. 339; «Ярлык хана Золотой Орды Тохтамыша к польскому королю Ягайлу. 1392—1393 год». Издан князем. М. А. Оболенским, Казань, 1851, стр. 37; В. Д. Смирнов, Крымско-ханские грамоты, — «Известия Таврической ученой архивной комиссии», Симферополь, 1913, № 50, стр. 167 и сл. (В. Д. Смирнов фактически принял версию перевода Я. О. Ярцова).

¹⁸ В. Радлов, Ярлыки Токтамыша и Тимур-Кутлуга, стр. 6, 20.

¹⁹ С. Е. Малов, Изучение ярлыков и восточных грамот, — сб. «Академику Владимиру Александровичу Гордлевскому к его 70-летию», М., 1953, стр. 189.

нов, как это было до сих пор, а всего комплекса официальных актов улуса Джучи, с одной стороны, и отдельных документов внутри всего комплекса — с другой. Для этого ханские ярлыки и послания необходимо рассматривать, во-первых, как самостоятельный подвид источников; во-вторых, применять для их исследования не только прежний историко-филологический метод анализа, но также и специальные приемы дипломатики.

А. Н. Самойлович обратил внимание на необходимость изучения ярлыков и ханских посланий не только как узколокальных документов. Он показал возможность расширенного толкования полученных результатов применительно к территории всего бывшего улуса Джучи. Следует только оговорить, что в области социально-экономической и политической истории наблюдается больше общих закономерностей, чем в истории этнической.

Естественно, что Крымское ханство XVII в. во многих отношениях отличалось от Крыма XIV—XV, даже первой половины XVI столетия, что, между прочим, хорошо прослеживается и на оформлении документов в Крыму в течение XV—XVIII вв. У наиболее ранних крымскоханских ярлыков много общего с подобными документами Золотой Орды, Казани. Что касается известной «османизации» в сфере делопроизводства в Крыму, то она затронула жалованные ярлыки, выдаваемые крымцам, лишь во второй половине XVI в., и то частично. Следовательно, совершенно прав был А. Н. Самойлович, который собственно золотоордынские ярлыки рассматривал во взаимосвязи с более или менее аутентичными крымскими документами, удачно выделяя их в особую группу «старейших» ярлыков Джучиева улуса в целом²⁰. Более того, как нам представляется, в комплекс ярлыков улуса Джучи можно было бы включить и крымскоханские ярлыки второй половины XVI в.²¹.

Таковы вкратце основные итоги работы А. Н. Самойловича в области изучения актов источников ханств улуса Джучи.

²⁰ А. Н. Самойлович, Несколько поправок к изданию и переводу. . . , стр. 141.

²¹ Речь здесь идет лишь о ярлыках. Что касается ханских посланий, то они в крымско-турецкой переписке подвергались османизации еще в конце XV в., в крымско-московских же сношениях этот процесс начался где-то в конце XVI столетия.